

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Заповедник потерянных душ : [роман] /
Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2018. —
320 с. — (Детективы Галины Романовой.
Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-094749-2

Полузаброшенный заповедник издавна пользуется у окрестных жителей дурной славой. Лет десять назад там пропадали люди, преимущественно бомжи. И вот снова в полицию поступает информация о том, что там пропали две пожилые женщины, которые поехали утром по каким-то делам, но к вечеру так и не вернулись. Как утверждают родственники исчезнувших, женщины собирались искать на территории заповедника жениха одной из них, который несколько дней назад отправился туда и больше не вышел на связь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094749-2

© Романова Г.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ШАВА 1

Звук собственного дыхания оглушал его. Из-за него он вообще ничего не слышал! Ни хруста сухих веток под ногами, ни криков за спиной. Еще несколько минут назад они раздавались сзади и чуть слева, и вдруг сделалось тихо. И ничего, кроме дыхания.

Дыхание было хриплым, тяжелым, прерывистым. Воздух выходил из легких со странным бульканьем, обдирая гортань и рот и оставляя после себя жгучую боль. Он точно знал, что организм человека на семьдесят процентов состоит из воды. Диво дивное! Какая вода? А как же кости, мышцы? С этим как быть? Их в его организме наверняка больше, чем тридцать процентов. Он весь состоит из костей и мышц, жира ни грамма. И воды тоже теперь не осталось. Те капли, что булькали сейчас в его пересохшем горле, наверняка были последними.

А может, это кровь?! Может, его сильное тело не справилось с чудовищной нагрузкой и разваливается теперь, обливаясь кровью? И он упадет сейчас прямо здесь, посреди густого ельника, на нехоженной тропе. И издохнет, как загнанное животное. И его преследователям даже не придется ничего делать с ним. Не придется его добивать.

Он привалился к шершавому стволу высокой корабельной ели. Обнял его, прижался лбом к пахучей коре, вздохнул глубоко раз, другой, третий. Боль из груди никуда не делась. Она подобно коварной змее обвила его позвоночник и поползла к пояснице.

Только не это, Господи! Только не это! Если схватит поясницу, он пропал! Надо идти. Нельзя останавливаться. Остановка — это гибель.

Он с силой зажмурил глаза и на краткий миг перестал дышать, чтобы слышать что-то еще, кроме предательского бульканья в груди.

Этот участок леса почти не был обитаем, он был крайне запущен: поваленные сгнившие деревья, непроходимые заросли колючего кустарника. Выбор был сделан неспроста. Здесь сложно было наткнуться на случайного свидетеля. Редкое глупое зверье не в счет. Он должен был до рассвета пробраться через все эти заросли и выйти к дороге. Там спасение. Таковы условия. До дороги оставалось совсем немного. Он точно помнил, где должен был повернуть. Там должен был быть ручей. Он петлял по дну глубокого оврага. Но его не оказалось в том месте, где он повернул. Ни оврага, ни ручья. Он выбежал в ельник. Ельника не было на карте, которую он долго изучал, прежде чем пуститься в это сомнительное путешествие. Он заблудился?

Да, он заблудился. И сбил со следа своих преследователей. Он слышал их голоса какое-то время за своей спиной, а потом они исчезли. Потому что — что? Правильно. Потому что они все побежали тем маршрутом, которым должен был бежать и он. Таковы условия.

• *Заповедник потерянных душ* •

Он сбился с пути и нарушил условия. А за этим должны были последовать наказания. Его предупредили. Правда, не уточнили, что это будут за наказания. Он не стал выяснять, поняв по блуждающей ухмылке человека, зачитывающего ему условия, что правды он не услышит.

Как быть? Вернуться? Надо было вернуться назад. К тому месту, с которого он оторвался от преследования. Густой кустарник, подковой обогнувший нужную тропу. Именно там он сбился с пути и повернул не туда. Не туда, куда диктовали условия его контракта. Именно поэтому его все еще не догнали. Именно поэтому он все еще жив. Стоит, тиская шершавый ствол высокой корабельной ели, и дышит. Дышит, слышит, живет.

Вдруг накатили слабость и раскаяние. Не надо было ему во все это вязываться. Зачем?! Что хотел доказать? Что он все еще силен и может запросто, на спор, отжаться от пола сто раз? Что чего-то стоит? Что может просто так зараз заработать кучу денег?

Идиот! Состарившийся, свихнувшийся от алкоголя неудачник, который все еще не растерял прежних амбиций. Амбиций спортсмена, когда-то бравшего призы. На этом его и поймали. Просто подслушали, как он хвастается перед собутыльниками, и поймали, ловко расставив сети.

Он открыл глаза и всмотрелся в еловую чащу. Нигде никакого движения. Ни треска сучка под ногами, ни шуршания высохшей травы. Его преследователи отстали. Они потеряли его. Это факт. Но и сам он потерялся. Лес был огромным. Куда дальше следовало идти, он не имел ни малейшего понятия. А идти надо было. Надо было выбраться

Галина РОМАНОВА

из ельника, вернуться к тому месту, где он неправильно свернул. Осторожно пробраться вдоль ручья до дороги. И там уже объявить себя победителем. И даже если они все уже там и ждут его, в бессильном бешенстве щелкая затворами, он все равно их сумеет обойти. Он победит!

И он пошел. Медленно, осторожно, прислушиваясь к звукам ночного леса после каждого сделанного им шага. Постепенно дыхание выровнялось, зрение обострилось настолько, что он стал различать силуэты деревьев в паре метров от себя. Походка сделалась плавной, будто тело обрело прежнюю гибкость. Он повеселел. У него все получится! Он справится! Ему бы только попить, саднящая боль в гортани и во рту не прошла. Ему бы только...

Он сделал еще пару шагов, раздвинул колючие ветки кустарника, еще шагнул и неожиданно больно ударился лбом обо что-то.

— Черт! — прошептал он едва слышно.

И принялся ощупывать ладонями неожиданно возникшее перед ним препятствие. Забор! Это точно был забор. Из неструганых бревен. Высокий, его рука не дотянулась до края, а в нем роста было метр восемьдесят восемь. Что за забор? Его точно не было на карте, которую он изучал.

Что выходит?

Видимо, он окончательно заблудился и вышел на какую-то заброшенную заимку, потому что не было слышно собак. А они бы его сто процентов учуяли. Он не принял душ перед стартом, и от него разило, как от...

Неважно. Если бы это была обитаемая заимка, тут бы были собаки. И они подняли бы лай, когда

• *Заповедник потеранных душ* •

он уперся лбом в забор. Да еще и раньше бы они его почуяли. Еще когда он крался сквозь кустарник.

И он точно заблудился. На карте не было ничего похожего на заброшенное строение, обнесенное высоким бревенчатым забором.

Или карта, которую ему подсунули, была липовой. И его с самого начала гнали в западню, как зверя. А загнав, убили бы. А он, идиот, купился на сладкие улыбки. На заверения, что все это — лишь спорт и ничего более. Если он выигрывает, он получает кучу денег, потому что делались ставки. Если проигрывает, то...

— То денег ты не получаешь, брат, — развел руками менеджер, который заключал с ним контракт.

— А если я нарушу правила, то о каком наказании речь? — Он ведь уточнял, точно уточнял, подписывая.

— Наказание? — Менеджер сладко улыбнулся и невнятно пробормотал. — На милость победителя...

Уточнять было бесполезно. Он и не уточнил. Но крайне удивился, когда обнаружил команду преследователей с боевым оружием и настоящими арбалетами.

— А это зачем? — спросил он, завязывая шнурок на старых спортивных кроссовках, которые еле отыскал в своем гараже. — Вы же не станете в меня стрелять?

— С ума сойти! — закатил глаза один из них, самый молодой, самый стройный и самый высокий. — Не стану же я из-за тебя в тюрьму садиться! Это для реалистичности, друг мой. Для реалистичности картины.

Он ему поверил, и зря. Потому что в процессе погони пару раз мимо его головы свистели самые настоящие пули. Он мог поклясться, что они были настоящими. Он не мог выдумать, потому что не пил перед забегом почти неделю. Ну не совсем неделю. Три дня. Ну или два.

Забор закончился неожиданно. Огромным выломанным проемом. Выломано было варварски, зверем или человеком — оставалось только догадываться. Он шагнул в этот трехметровый проем и сразу увидел дом. Небольшой бревенчатый сруб с провалившейся крышей. Окна смотрели на него черными пустыми провалами. Входная дверь оказалась распахнутой настезь.

Он правильно решил, что это заброшенная заимка. И на карте ее точно не было. Ночь, погоня, непроходимый лес сделали свое дело. Он ушел далеко от оврага, по дну которого бежал ручей, который должен был вывести его к дороге. Очень далеко.

Он обошел дом. Нашел полную воды кадку под сливной трубой. Опустил в нее лицо и долго глотал ледяную безвкусную воду. Потом вымыл лицо, руки, шею. Застегнул до капюшона ветхую осеннюю куртку и пошел в дом.

Под ногами поскрипывало от мусора, пахло мышами и сыростью. Он обошел пустые комнаты — их было три. Зашел в кухню. Скорее угадал, чем рассмотрел широкий самодельный стол, две скамьи вдоль стен. Пустые кухонные полки. Тумбочка с тремя выдвижными ящичками. Он дернул верхний, сунул туда руку, пошарил. Нашел коробок спичек, скомканную бумажную пачку окаменевшей соли, две сложенные вчетверо газеты. Второй ящик был пуст. В третьем обнаружился нож.

• *Заповедник потеранных душ* •

Настоящий охотничий нож. Правда, очень старый, с растрескавшейся деревянной ручкой и поржавевшим широким лезвием. Это было все, что он нашел в заброшенном доме. И это все он рассовал по карманам. Потом снова прошел по комнатам. Остановил свой выбор на самой дальней, самой маленькой, с узким окном, сел в угол напротив двери, вытянул ноги и закрыл глаза.

Он провалился в сон мгновенно. И так же мгновенно очнулся. От холода, мышиноного шуршания, неясного света раннего утра. Очнулся, медленно поднялся на ноги и начал разминаться, чтобы согреться.

Взмах руками: раз, два, три, четыре. Приседания, через каждое третье — прыжок на месте. Махи ногами. Резкие повороты туловищем. Надо же, тело не забыло. Тут же отозвалось бурным гоном крови по венам. Он согрелся. Повеселел. Понял, что жутко проголодался и полез в карман за комком соли, который ночью вытащил из ящичка тумбочки.

Соль способна сохранить влагу в организме, это он точно знал. А это лишние силы, лишнее время, которое он должен выиграть у своих преследователей. Он облизывал окаменевший соляной кусок, прислонившись спиной к стене в том углу, где проспал несколько часов до рассвета. И слушал лес. Сначала было тихо. Очень тихо. А потом...

Отчетливо зашуршала высокая высохшая трава, которую тут никто давно не косил. Треснул сук. Это могло быть животное, которое подкрадывалось к легкой добыче в полуразвалившемся доме? Да, могло. Но это могли быть и люди. И этот треск. Это мог быть щелчок затвора. Или все же трещит валежник под копытами лося? Или?..

Лихорадочные скачки его трусливых мыслей были прерваны громким криком с улицы:

— Эй, старик! Выходи! Мы знаем, что ты здесь!

Старик?! Почему старик? Ему же всего тридцать семь лет! Тридцать восемь через неделю. Надо же, как отчетливо вспомнилось! Он уже года три не праздновал свой день рождения. Как его списали, так он и умер. Если умер как спортсмен, считал он, значит, умер и как человек. А если умер, то к чему праздновать день рождения. Так ведь?

Они его с кем-то перепутали! Он не старик. Он еще молод и достаточно силен, раз с такой легкостью их всех обставил. Он сейчас выйдет и скажет им, что они ошиблись.

— Выходи, а то мальчик будет стрелять! — раздался еще один крик, сопровождаемый диким гоготом и улюлюканьем сразу нескольких мужских голосов. — Выходи, мы знаем, что ты здесь, старик!

Да, он не брит. Стригся очень, очень давно. И одет он грязно, но он точно не старик. И он...

Он не успел додумать. Сразу с нескольких створон принялись стрелять. Запахло порохом и паленым деревом. Пули вгрызались в старые бревна сруба, догадался он. Упал на пол, прикрыл голову руками и попытался сосчитать стволы. Насчитал четверых. Два автоматчика. Двое стреляли из ружей. Хороших ружей, с хорошей убойной силой. Он в этом смыслил. Когда-то.

Они его убьют, понял он еще через минуту. Они не для того всю ночь бегали по лесу, злились, задыхались от усталости, чтобы отпустить его живым. Он не должен был остаться живым по условиям контракта. Просто об этом в нем не было прописа-

• *Заповедник потеранных душ* •

но. Он — дичь. И они его убьют, как только до него доберутся.

— Хорошо, мужики. Пойду гляну, что там с нашим туловищем, — прокричал кто-то резким высоким голосом. — Смотрите, не отстрелите мне зад, пока я наше туловище разыскиваю.

После оглушительного смеха на какое-то мгновение стало тихо. Потом он услышал тяжелые шаги. Человек с резким высоким голосом шел по сухой высокой траве убедиться в том, что дичь мертва. А если нет, то собирался добить ее.

Охотник споткнулся о нижнюю вывернутую ступеньку, чертыхнулся. Он сам тоже ночью об эту ступеньку споткнулся. Не споткнуться было невозможно. Шаркающая поступь по доскам полуразвалившейся веранды. Потом хруст мусора под подошвами. Охотник вошел в дом.

— Э-э-эй, где ты, чудище? — чуть ниже и не так пронзительно проговорил мужчина, идущий его добивать. — Притаился? Или сдох? А мы знаем, что ты здесь. Небось подумал, что мы упустили тебя? Ан нет. Мы с самого начала следили за тобой с воздуха. Тепловизор! Слышал о таком? Нет? И неудивительно. Ты же побирушка, неудачник, о чем ты можешь знать! Вот и не знал, что мы с тобой играли. Ээ-эй, где ты, старичо-ок?

Все! Человек, явившийся его добить, медленно обошел все комнаты, и теперь приближался к той, где он прятался.

— Гм-м... — кашлянул охотник на самом пороге самой дальней, самой маленькой комнаты. — И где ты?

Он стоял справа от дверного проема, прижавшись всем телом к старым бревнам брошенно-

Галина РОМАНОВА

го дома. Он все правильно рассчитал: он должен стоять справа, потому что он правша. И понимал, что напасть должен стремительно, не дав охотнику опомниться, лишив его возможности крикнуть. Охотник не мог его видеть из дверного проема, потому что еще не вошел в комнату. И это давало крохотное, но все же преимущество.

— Ээ-эй, где ты, чудище лохматое?

Тупые носы высоких армейских ботинок сунулись в комнату как раз в тот самый момент, когда он произнес:

— Я здесь.

И с силой выкинул руку с зажатым в ней старым охотничьим ножом.

ШАБА 2

— Я не пойму, Леша, никак тебя не пойму! — возмущилась громким шепотом его жена Лариса, сидя с ним бок о бок на скамеечке в старом сквере по соседству с их домом. — Тебе что, не нужны деньги?

— Мне? — Он ткнул себя пальцем в грудь, прямо в центр выцветшей надписи на английском на старой вылинявшей футболке. — Мне лично — нет. Мне деньги не нужны. Мне хватает зарплаты.

— Зарплаты?! — прошипела Лариса, неестественно вытягивая шею и поворачивая голову в его сторону. — Ты имеешь в виду свою зарплату?! Те жалкие тридцать тысяч, которые ты приносишь раз в месяц десятого числа?!

— Именно. И тридцать тысяч — нормальные деньги, Лариса. Нам их всегда хватало. До того, как ты решила...

• *Заповедник потерянных душ* •

И он скосил взгляд на детскую коляску, в которой спал их ребенок. Их третий ребенок!

— А! Поняла! Ты снова напоминаешь мне, что был против Тошкиного рождения. Что третий ребенок в нашей квартире нас стеснил невероятно, что...

— Заткнись, Лариса, — попросил он миролюбивым вполне тоном. — Заткнись, или я уйду.

— Куда уйдешь?! — В ее округлившихся глазах нежнейшего голубого оттенка заплясал страх. — От меня, в смысле? Бросишь меня одну с тремя детьми?!

— Домой уйду, дуреха. — Он положил ей руку на плечо и тихонько сжал. — Ты можешь молчать хотя бы на улице? Неужели не понимаешь, как ты меня достала, Лора? Ну не могу я найти работу с заработком в сто тысяч. Нет ее в нашем городе. И подработку взять не могу. Работаю пять дней в неделю. Да и попробуй ее найди, подработку!

— Другие находят, — огрызнулась она тихо. Но его руку прижала щекой, склонив голову к плечу.

— Допустим. Допустим, найду. Стану работать семь дней в неделю по двадцать часов. Дома ты меня видеть совсем перестанешь. Тебе от этого станет легче? Одной с тремя детьми? Кто со старшими станет делать уроки? Кто будет водить их в школу? Вozить вечерами на тренировки? Все забросить ради лишней десятки? Лора! Что замолчала?

Она сосредоточенно рассматривала подол джинсового сарафанчика, который покупался еще к рождению их первенца. Десять лет назад. Сарафанчик от частых стирок совсем вытерся, но смотрелся от этого не хуже. Даже стильно смотрелся. Кому как, а ему лично нравилось, как он сидит на его жене,